

М. ГЕРШЕНЗОН

СР
Г-421

ГОРЬКИ
ЛЕНИНИ

ПРОСВЕЩЕНИЕ СССР

РИСУНКИ
Т.
ЗВОНАРЕВОЙ

АПР 1940

АБОНЕМЕНТ

ОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

9 3 2

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ»
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

*

Уполномоченный Главлита № Б-12735.
Д-55. Огиз № 2015. Зак. № 2921.
Тираж 50 000 экз. 2 п. л.
Октябрь.

5363

~~5363~~

1887-807.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОШКОЛЬНИКОВ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА~~

674629 КХ ред

Российская государственная
детская библиотека

Девять километров

Девять километров — это очень много. Половину пройдешь — и устанешь, захочешь кушать. Отдохнешь хорошенько, и снова будешь идти, идти.

Если ты возьмешь метр, которым меряют ситец, и станешь мерить им эту дорогу, никогда не кончишь.

Хорошо бы иметь такую линейку, в которой не один, а сразу тысяча метров: целый километр. Такую линейку приложил бы к дороге девять раз, и готово — девять километров.

А то взять девять таких линеек и связать в одну. Вот это была бы линейка!

Такую линейку поставить одним концом на землю, а другим в небо, она проткнет облака и вылезет с той стороны.

Из туч будет идти дождь. А верхний конец линейки будет торчать над тучами и блестеть на солнце.

Но конечно таких линеек не бывает.

Горы

Зато есть на свете такие высокие горы.

Их вершины видны издалека, за сотни километров.

Если сверху сорвется камень, он будет долго-долго лететь, пока долетит до земли.

Он будет падать вниз, потому что он тяжелый. Воздух тоже тяжелый. Если большой пузырь надуть воздухом и положить на весы, на очень хорошие весы, этот пузырь будет тяжелее, чем пустой.

Воздух тоже падает вниз.

Наверху, на горах, его совсем мало, там трудно дышать. Но это не беда: там некому дышать, там никто не живет. Даже орлы не живут на такой высоте.

Там всегда очень холодно, и даже летом не тает снег.

Вниз по склонам гор медленно текут ледяные реки. Они доползают до обрыва и падают: это ледопад; водопадов там нет.

Посмотри на эту карту. На ней нарисована Индия. Видишь, наверху черные складки, как перышки. Это не перья, это высокие горы Гималаи.

Д а р ж и л и н г

Маленький кружок внизу, у самых Гималаев, — это курорт Даржилинг. Когда в Индии лето и люди задыхаются от жары, здесь прохладно.

Белый господин, англичанин, приезжает на лето сюда отдыхать. Он лежит здесь на террасе и смотрит на белые вершины гор. А Самми на серебряном блюде приносит ему мороженое и вино со льдом. Самми называет своего господина сагибом. Каждый год

сюда приезжает много сагибов. Они бьют своих слуг стэками. Они лежат на кушетках и читают газеты.

Один говорит:

— Вы знаете, на-днях сюда приедет экспедиция? Пятнадцать человек: англичане, немцы, австрийцы, швейцарцы. Они хотят вскарабкаться на Каченингу.

Каченинга — очень высокая гора. В ней почти девять километров. Никто еще не был на ее вершине. Когда-то два англичанина попробовали влезть на нее, но они свалились в ледяную пропасть и убились.

П р и е х а л и

Много автомобилей пришло в Даржилинг. Пятнадцать сагибов приехали в них и много, много вещей. Эти вещи поставили на тротуар возле гостиницы, и они заняли целый квартал. Тут были целые горы чемоданов, и горы ящиков, и горы мешков. Один сагиб держал на ремне большую собаку с острыми ушами.

Весь Даржилинг собрался смотреть на них.

— Какие богатые сагибы! Зачем им столько вещей? — удивлялся Самми.

До самого вечера слуги таскали вещи с улицы в дом.

Самми начал считать чемоданы, но очень скоро сбился со счета.

П е р в ы й с п и с о к

Богатые сагибы сидели в гостинице вокруг большого стола.

Они ели мясо и запивали его вином. Вино было всех цветов: красное, розовое, золотое. Собака сидела в углу. Она тоже ела мясо.

Самого главного сагиба звали профессор Диренфурт. Профессор Диренфурт держал в руках длинный лист бумаги.

Он читал вслух список вещей:

„Всего у нас четыреста мест, по сорок килограммов в каждом. Первые тридцать мест — канаты, четыре тысячи метров каната.

Дальше: стальные крюки и кольца. Топоры для льда. Палатки. Спальные мешки. Шерстяная одежда. Кожаная одежда. Фотографические аппараты. Кинопленка. Пишущие машинки. Аптека. Барометры. Альтиметры. Другие приборы. Потом продовольствие: шоколаду — 960 кило. Икры — 300 кило. Нечерствеющий шведский хлеб. Консервы. Пива — 500 бутылок. 24 ящика с вином, — виски, ром, шампанское, ликеры...“

В с е в п о р я д к е

— Как будто бы все? — спросил профессор Диренфурт, — давайте проверим. Ничего не забыли?

— Сыр?

— Есть. 200 кило.

— Страсбургские пироги?

— Есть.

— Термосы?

— Есть.

— Складные стулья?

— Есть.

— Складные души для обливания?

— Есть.

— Граммофон?

— Есть. Пластинок два ящика.

— Для собаки бисквиты?

— Есть.

— Ничего не забыли, — сказал профессор Диренфурт. — Значит, можно напимать носильщиков.

Четыреста

В Индии много голодных. Всякий рад получить работу. Во дворе гостиницы собралась большая толпа: тысяча человек. Из соседних деревень пришли китайцы, тибетцы, бенгальцы, гуркхи. Два сагиба вышли во двор.

Один сказал:

— Нам нужно четыреста человек. Носильщик должен иметь хорошие мускулы, сильную грудь и крепкое сердце. Подходите по одному. Начинайте, доктор.

Первый человек подошел к доктору и скинул рваную рубашку.

— Мускулы хороши, — сказал доктор. — Сердце в порядке. Дохните!

Он прижал к губам человека коробку со стрелкой.

Человек изо всех сил дохнул в коробку. Стрелка повернулась.

— Пять тысяч, — сказал доктор. — Годится.

Второй подошел. Он дул в коробку, как мог, и весь покраснел от натуги.

— Четыре тысячи двести, — сказал доктор. — Слаб. Носильщик должен иметь очень сильное дыхание.

— Нет, нет, я могу. Я сильный! — закричал человек.

Но доктор смотрел уже следующих.

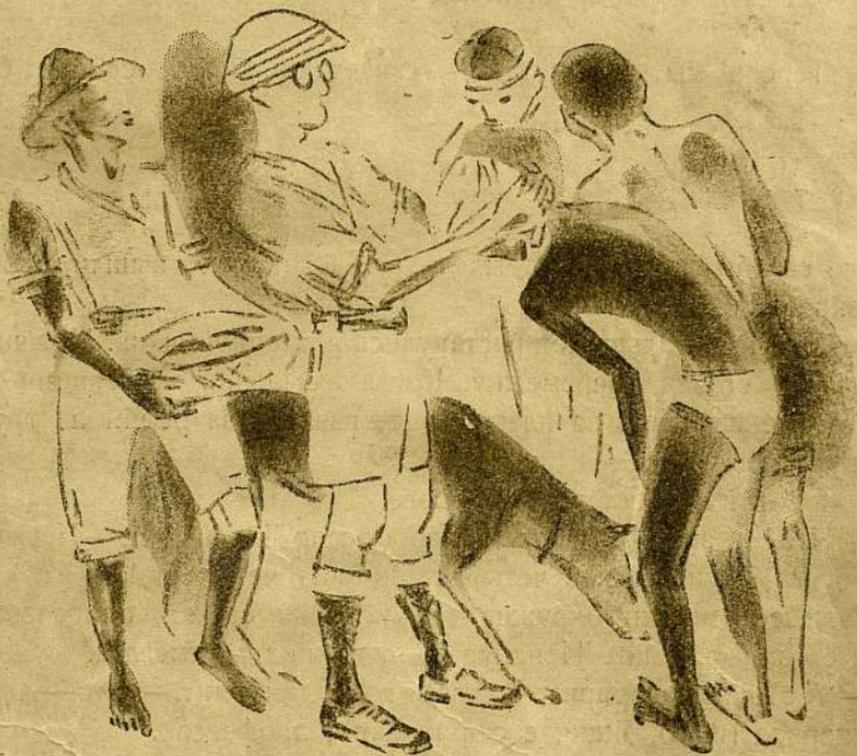
— Шесть тысяч, — годеи.

— Четыре триста, — слаб.

— Четыре шестьсот, — слаб.

К вечеру во дворе гостиницы остались только чегыresta человек.

Они прождали здесь до утра.

Второй список

Утром каждому носильщику дали поклажу: кому чемодан, кому ящик, кому мешок.

Собака вертелась во дворе, она, словно в шутку, прихватывала зубами босые ноги носильщиков. Один из сагибов обходил всех по очереди. Слуга нес рядом с ним корзину. Сагиб брал из корзины ошейники с медными номерками и надевал их носильщикам на шею. Профессор Диренфурт шел рядом и записывал на длинном листе бумаги:

- „Носильщик № 1 — канаты.
„ № 2 — канаты.
„ № 56 — граммофон.
„ № 341 — шоколад.
„ № 342 — шоколад“.

2250
2250
2250
2250
2250

— Теперь мы не спутаем, — сказал он, когда список был кончен.

В П У Т Ъ

Все сагибы, которые отдыхали в Даржилинге, вышли провожать экспедицию.

Четыреста носильщиков рстянулись в длинную цепь. Мужчины и женщины стояли вперемежку. Когда начальник экспедиции дал свисток, все взвалили на плечи тюки, взялись за ремни на груди и двинулись в путь.

Но один ящик остался на дороге.

— Что это значит? — спросил профессор Диренфурт. — Неужели я ошибся? Носильщиков четыреста и мест четыреста!

Путешественники окружили ящик. Они стояли, опираясь на длинные горные палки. И вдруг один из них рассмеялся.

— А это мой сюрприз, — сказал господин Смит. — Это — четыреста первое место. Ящик с сюрпризами, профессор.

— С какими сюрпризами?

— Это секрет. Когда подыдемся на первую тысячу метров — получите первый сюрприз.

Все рассмеялись. Диренфурт свистнул, чтобы носильщики остановились. Он обернулся к провожающим.

— Джентльмены, — сказал он, — нам нужен немедленно еще один кули. Может быть, кто-нибудь уступит нам своего слугу?

Один из сагибов повернул голову. Он искал Самми.

— Ступай, обезьяна, — приказал он.

И Самми взвалил себе на спину ящик.

Четта

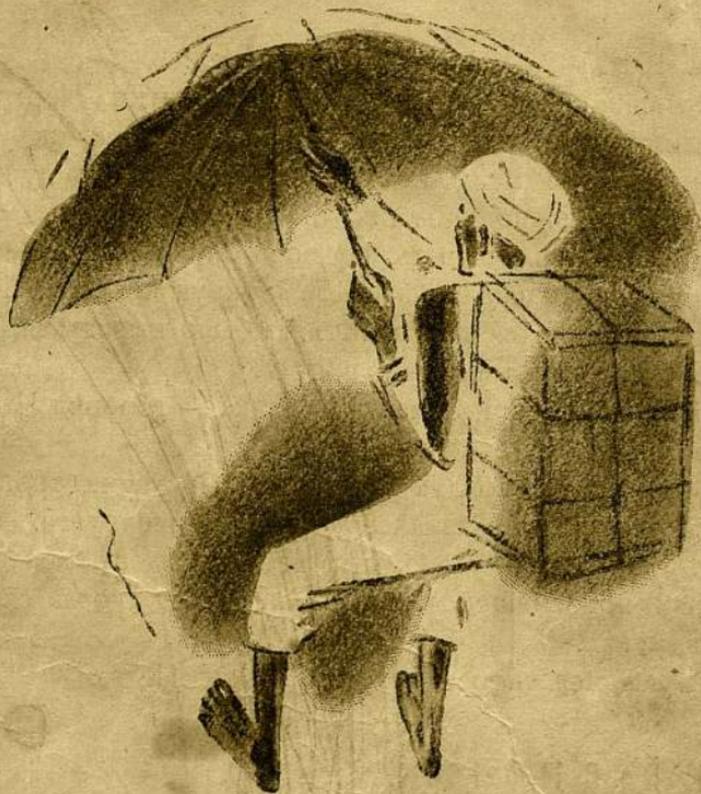
Рядом с Самми шел Четта. Он был невысокий, крепкий.

— Ты ходил уже когда-нибудь в горы? — спросил его Самми.

— Да я часто водил сагибов, только невысоко.

— А зачем тебе зонтик?

— Зонтик непременно нужен. Как же без зонтика? Он защищает от злых духов. Спрячешься под зонтик — дух тебя не заметит.

Самми расемеялся.

К вечеру Четта едва не наступил на змею. Он начал быстро открывать и закрывать свой зонтик, и этим спугнул змею. Она скользнула в траву и исчезла.

— А ведь ты прав, Четта, — помогает, — сказал Самми. — Жалко, что у меня нет зонта.

В о з в р а щ а й с я с к о р е е

Первые дни дорога медленно подымалась в гору. Густые, тенистые деревья шумели над головой. Нога ступала мягко, как на теплый ковер. Влажный, горячий ветер веял в лицо. Комары донимали носильщиков и еще пьявки: они незаметно присасывались к босым ногам.

В сумерки останавливались. Профессор Диренфурт отдавал команду:

— №№ 101, 102, 103, 104, 105, вперед!

Эти носильщики несли брезентовые палатки. Через полчаса палатки были уже разбиты. Сагибы вешали на крючок у входа в палатку брезентовый душ, носильщики наполняли души водой. Сагибы становились под дождик, потом вытирались мохнатыми простынями и садились ужинать. На ночь они расставляли складные кровати. Носильщики спали на земле, вокруг костров. На кострах варился рис. Рис варится долго. Можно было выспаться, пока поспеет еда. С рассветом трогались в путь.

— Это плохие места. Здесь лихорадка, — говорил Четта. — Зато у нас, в Ринченпунге, как хорошо!

Деревья исчезли, воздух стал суше, и круче тропинки. На голом высоком холме показались домики Ринченпунга.

— Вот мой дом, — улыбнулся Четта, — а вот жена и сынок!

В дверях покосившейся набок клетушки стояла женщина с ребенком на руках.

— Возвращайся скорее! — крикнула она Четте.

П е р в ы й с ю р п р и з

Два дня уже шли по голым скалам. Местами лежал уже снег. Пахучие рододендроны, красные, белые, желтые, цвели в долинах.

В деревне Йонгри носильщики опустили на землю поклажу.

— Ура! 4005 метров! — воскликнул один из сагибов. — Ну, где ваш сюрприз, господин Смит?

— Сейчас, — сказал тот. — Эй, № 401!

Самми забыл свой номер, потому что у него не было ошейника с бляхой.

Сагиб отыскал его и больно хлестнул стэком.

— Неси ящик в палатку! — приказал он Самми.

Все сагибы собрались вокруг ящика.

Сагиб вынул из ящика большой пакет. В пакете оказался маленький очень блестящий ящик, какая-то круглая машинка и большой стеклянный стакан. В стакане со дна подымалась палочка с лопатками на конце.

— Дайте мне яйца и сахар, — сказал сагиб.

Он сцепил вместе ящичек, машинку и стакан. Потом разбил яйцо, желток вылил в стакан, а белок на землю. Двадцать желтков он вылил в стакан, а двадцать белков — на землю. В стакан он всыпал еще сахар и нажал какую-то кнопку.

Сразу завертелись лопаточки. Желтки побелели и начали подыматься. Вот они подошли уже к самому краю стакана.

— Готово! — сказал сагиб.

И все захлопали в ладоши.

А Самми потихоньку сгреб с земли яичные белки на бумагу, в которую завернута была машинка. Он принес их к костру, и Четта тоже захлопал в ладоши.

В с е в п о р я д к е

Впереди лежали снежные поля и ледяные стены.

Крутые подъемы, узкие тропинки над пропастью, трещины и ущелья во льду.

Холод и ослепительное сверканье снега.

Сагибы нарядились в горные костюмы. На ногах — толстые шерстяные чулки, три пары, одна поверх другой, и тяжелые башмаки на стальных гвоздях. Эти гвозди врезаются в лед. В таких башмаках нельзя поскользнуться. Кожаные штаны и куртки подбиты мягким, пушистым козьим мехом. Никакой мороз не пробьет этой одежды. Штаны заправлены прямо в башмаки, а рукава в

высокие рукавицы. Рукавицы не сползут, они перехвачены резиновыми кольцами. На голове — особенный шлем. Сперва лицо

намазывают толстым слоем вазелина. Потом привязывают нижнюю часть шлема: она закрывает щеки, подбородок и шею. Потом надевают верхнюю половину: она закрывает нос, лоб, уши и волосы. Горное солнце не сожжет теперь кожу, и ветер ее не обветрит. Там, где глаза, в шлем вставлены темносерые стекла. Теперь глаза не ослепнут от яркой белины снегов.

Все пятнадцать сагибов похожи на водолазов. Пуговицы все застегнуты, шнурки завязаны. Один из водолазов, профессор Диренфурт, осматривает своих друзей. Все в порядке.

— Все в порядке, — говорит профессор Диренфурт. — Вперед!

Первый буран

— Скажи, в горах всегда так холодно? — спросил Самми.

— Да, и чем выше, тем холодней, — ответил Четта.

Самми шел, наклонившись вперед, то и дело поправляя за спиной тяжелый ящик. Ноги по колено проваливались в глубокий снег. Иногда Самми на минутку закрывал глаза, чтобы отдохнуть от яркого света. Тогда он слышал, как скрипит снег под ногами носильщиков. Сзади долетали до него веселый смех сагибов и звонкий лай собаки.

— Ты не знаешь, скоро привал?

— Нет еще. Когда перевалим через Канг-Ла.

Самми посмотрел на вершину горы. Она сверкала на солнце, как огромный осколок стекла. Справа, похожая на отточенный нож, подымалась вершина Кабру.

— Смотри, начинается буран, — сказал Четта.

Снизу, с далеких синих равнин Бенгалии, подымались облака. Они клубились внизу сверкающими белыми комьями, потом подплывали ближе и ближе. Вот они проносятся рядом с тропинкой. Скоро они окутали все вершины гор, снег потух, снова вспыхнул на миг и опять потемнел.

Колкие крупинки ударили в лицо.

Белая пыль завертелась в воздухе, со всех вершин посыпался снег, будто кто то встряхнул их. Глаза залепило, ветер уперся в грудь.

„Рекс, сюда!“

Острые иголки втыкаются в глаза: опять вышло солнце, и стало больно смотреть на снег. Пот течет у Самми по лицу. Он падает каплями на рубаху и сразу замерзает. Ноги подгибаются: очень трудно бороться с бураном. Ящик стал тяжелей, чем прежде. Самми шатается, он боится, что упадет.

Кто-то сзади кладет ему руку на плечо. Он оборачивается. Это носильщица № 312.

— Дай мне руку, — говорит она. — Я ослепла. Я ничего не вижу.

Самми дает ей руку. Он и сам бредет, прищурив глаза,

Вдруг раздается крик:

— Рекс, сюда!

Впереди, взгромоздившись на глыбу камня, стоит один из сагибов.

Черная коробка с круглым глазком у него в руках. Он кричит снова:

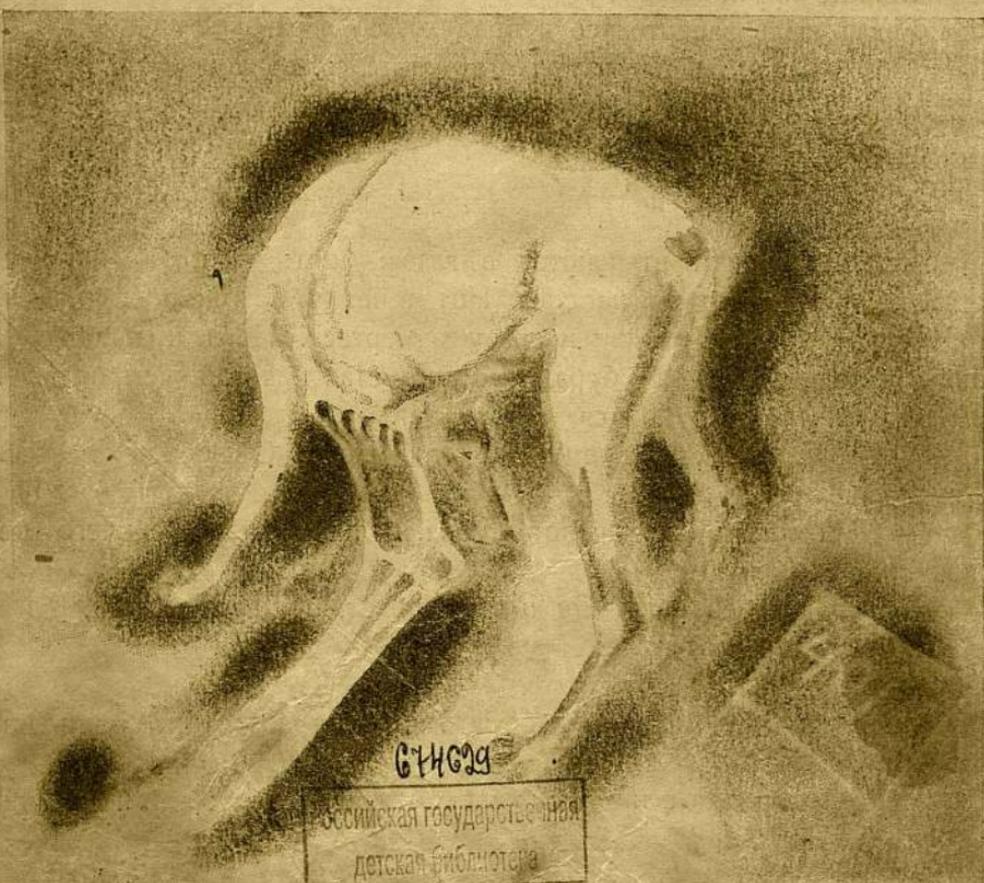
— Рекс, сюда!

Собака с острыми ушами выскакивает из-за поворота. Она налетает на Самми. Самми падает в глубокий сугроб.

— Смирно, Рекс! — слышит Самми, барахтаясь в снегу. Он ищет в сугробе свой ящик — ящик белых сагибов.

П р и в а л

Экспедиция перевалила через хребет Канг-Ла. Теперь дорога спускалась вниз, к Тзераму. Снег остался наверху, опять на пути лежали зеленые луга. Обросшие мхом сосны стояли на часах по горным склонам, желтые первоцветы и красные рододендроны ок-

ружали палатки. В палатке сагибов горел красный фонарь. Сагибы сидели вокруг складного стола на складных стульях. Они проявляли фотографические снимки.

Фотограф покачивал в ванночке с проявителем стеклянную пластинку.

— На этом снимке должен быть Рекс. Я снял собаку сейчас же после бурана.

Он поднес пластинку к фонарю.

— Странно, — сказал он. — Я не пойму, что это такое.

Пластинка понемногу начала темнеть.

— Да это нога! — воскликнул один из сагибов. — Босая нога!

— Нога? Откуда ей взяться? — удивился фотограф.

Теперь уже стало ясно, что это нога. Она торчала из снега, все пальцы были видны и колено.

Потом на стекле появилась собака с острыми ушами. Рот у нее был открыт.

— Ах, я понял! — расхохотался фотограф. — Она сшибла мальчишку, когда бежала ко мне. А вот и ящик, даже номер виден: 401.

~~ММММ~~

Второй сюрприз

Тут сагибы вспомнили, что № 401 — это ящик сюрпризов. Хэзьяин ящика отыскал Самми и достал из ящика несколько банок консервов. Это были не простые банки. На каждой банке сбоку была круглая шишечка.

Сагиб прижал шишечку пальцем. Что-то зашипело внутри.

— Потрогайте, — сказал сагиб, — банка уже согрелась, она горяча, как огонь. Там, внутри, есть отделение с чем-то вроде извести и отделение с водой. Когда вы нажимаете кнопку, вода соединяется с известью, получается очень горячий пар. Не хотите отведать, профессор? Это раковые шейки.

Но профессор Диренфурт даже не обернулся. Он сидел в стороне и угрюмо смотрел в землю.

— Что с вами, профессор? — удивились сагибы.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДОМА ДОКТОРА

10

— Я не профессор, я дурак, — сказал Диренфурт, — я сделал ужасную ошибку. Вы видели снимок нашего фотографа?

— С ногой?

— Да, с босой ногой. Мы забыли... мы забыли... взять для носильщиков обувь!

Сагибы застыли, кто как стоял. Никто не шевелился.

— А... а ведь правда, — пробормотал наконец один, — мне и в голову не пришло, что носильщикам тоже нужна обувь...

— И еще мы забыли для них очки, — перебил его профессор.

„Посмотрите на Каченингу“

Поздно ночью экспедиция пришла в Тзерам. Деревня уже спала. Стадо быков-яков паслось на лугу, у края деревни, позванивая медными колокольцами. Только в большом доме монастыря горел огонь. Носильщики кое-как растянули палатки и улеглись. В одной палатке доктор при свете карманного фонаря делал перевязки. Трех принесли в Тзерам на руках: у них были отморожены ноги.

В другой палатке носильщики собрались вокруг тибетца-повара. Повар протягивал палец к далекой темной вершине Каченинги. Он говорил:

— Там, на горе, стоит трон грозного бога Канг-Ми. И там живет еще страшный снежный человек Ми-Го. Если кто-нибудь из человеческого рода переступит границы его царства, Ми-Го отомстит. Он страшный, у него белая кожа, вся обросшая длинной шерстью. Он никого не допустит на вершину своей горы...

В третьей палатке говорил Чётта:

— Потребуем, чтобы нам дали башмаки и очки. Мы погубим без них.

И носильщики соглашались.

— Да, — говорили носильщики. — Мы пришли сюда еле живыми. А ведь путь только начинается. Посмотрите на Каченингу.

Приказ магараджи

Профессор Диренфурт уговаривал носильщиков двинуться в путь.

— Мы достали здесь, в Тзераме, тридцать пар башмаков и двенадцать пар очков.

— Мало, — ответили носильщики. —

Что будут делать остальные?

Тогда из монастыря вышли монахи-ламы. У них были медные тарелки и очень длинные трубы. Они спели молитву, били в тарелки и трубили в трубы. Самый главный лама долго молчал и перебирал четки. Потом он сказал тихим голосом:

— Слушайте голос Будды! Милосердный Будда велит вам слушаться сагибов. Милосердный Будда сохранит вас.

— Слышите? Будда велит, — зашептались носильщики. — Надо идти.

— Пусть Будда пошлет нам башмаки, — сказал Четта, и многие отвернулись от ламы.

Тогда выступил вперед субадар — офицер с английскими нашивками на мундире.

Он сказал:

— Я здесь субадар, наместник магараджи Непала. Великий магараджа написал мне, чтобы я помог сильным сагибам.

Он достал из кобуры револьвер.

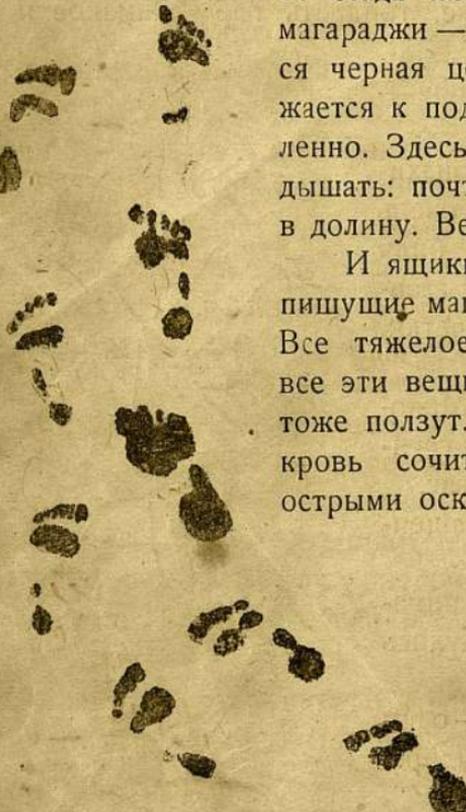
— Кто отказывается идти дальше?

Носильщики молчали. Тогда профессор Диренфурт дал свисток. Носильщики молча взвалили ящики на плечи.

Ледник Каченинги

В глубоком ущелье течет река: это тают снега на склонах Каченинги. Река швыряет и катит камни. Каждый камень такой величины, как дом. Это начало пути, здесь еще тепло.

Вот уходят вершинами в небо две ледяные башни-близнецы. Их можно назвать „Воротами Каченинги“. От последней деревни, от стада яков, от монастыря и от наместника магараджи — десять дней пути. Вдали показывается черная цепочка: экспедиция сагибов приближается к подножью горы. Носильщики идут медленно. Здесь нельзя идти быстро, здесь трудно дышать: почти весь воздух скатился отсюда вниз, в долину. Ведь он тяжелый.

И ящики тяжелы, и граммофон тяжел, и пишущие машинки, и палатки, и бутылки с вином. Все тяжелое хочет отсюда скатиться вниз. Но все эти вещи ползут понемногу кверху, и люди тоже ползут. Красный след остается за ними: это кровь сочится из голых пяток, изрезанных острыми осколками льда.

П о с л е д н и й л а г е р ь

На ледяное поле падает ледяная река. Она падает кусками. Вот наверху, над сверкающей стеной, висит блестящее стеклышко. Оно оторвалось и падает. Вот оно стало, как ящик, как трамвайный вагон, как сарай. Четырехэтажный дом, кувыряясь в воздухе, переливаясь радугой, падает на ледяное поле, стреляет громче, чем тысяча пушек, разрываясь и разлетаясь вдребезги. Это просто осколок ледяной реки.

Палатки стоят на ледяном поле, подальше от ледопада. Здесь носильщики отдыхают перед решительным подъемом. Сагибы веселы. Они пьют вино, граммофон играет веселый танец — фокстрот. Они выбирают десять самых смиренных носильщиков и кормят их шоколадом.

Утром доктор берется за шприц: нужно у каждого выкачать по стакану крови. Иначе носильщики не выдержат трудного подъема: на такой большой высоте, где так мало воздуха, кровь стучит в виски, может хлынуть носом.

Кровь из шприца он выпускает на снег. Она замерзает сразу. Самми подходит последним.

— Смогри, — говорит он Четте, — целая горка крови.

П е р в а я т е р р а с а

— Только бы нам подняться на эти три террасы, — говорит профессор Диренфурт. — Эти три площадки — последнее препятствие.

Каченинга будто нарочно повернулась к людям неприступной ледяной стеной. Только в одном месте эта стена изломана и спадает вниз тремя огромными ступенями.

Часть носильщиков вооружается топорами. Нужно вырубить лестницу во льду, чтобы подняться на первую террасу.

Топоры врубаются в лед. Раз, два, три. Больше десяти ударов не сделать: нехватает дыхания.

Четта тяжело дышит, он садится отдыхать. Другой стал на его место.

Первая ступенька готова. На нее можно стать, чтобы рубить вторую.

Медленно, очень медленно ползет лестница вверх по крутой ледяной скале. Голова кружится, если глянуть вниз.

Вдруг с площадки в лицо ударяет ветер. Если он дунет немножко сильнее, ноги не удержатся на скользкой лесенке. Много раз можно перевернуться в воздухе, пока долетишь донизу и расплющишься об лед.

Вот готова последняя ступенька. Между нею и краем площадки одна только глыба льда. На этой глыбе поместилась бы целая деревня, а ступить на нее страшно, потому что она шатается: она лежит на двух ледяных остриях и покачивается, как коромысло весов.

— Кто попробует пройти по льдине? — спрашивает профессор Диренфурт.

Все боятся.

Тогда вперед выходит Четга. Он берет в руки конец каната и перепрыгивает на льдину.

Льдина вздрогнула и покачнулась.

А Четга идет. Он идет и тащит за собой канат. Одной ногой он стоит уже на террасе, другой на льдине.

Готово!

Льдина медленно покачивается в воздухе. Четга обвязывает конец каната вокруг ледяного утеса. Теперь у сагибов и у носильщиков есть перила.

П о д ъ е м

Железные кольца вбиты в лед. От палки к палке, до самого верха лестницы, протянут канат. Сагибы, держась за веревку, поднимаются вверх. Осторожно переступают они со ступеньки на ступеньку. Башмаки впиваются в лед гвоздями.

Трудно дышать: мало воздуха. Сагибы без сил опускаются на террасу.

Они дышат часто, как собака в жару.

Один из них кричит вниз профессору Диренфурту:

— Скорей давайте сюда кислород!

— №№ 315, 316, 317, — наверх! — командует главный сагиб.

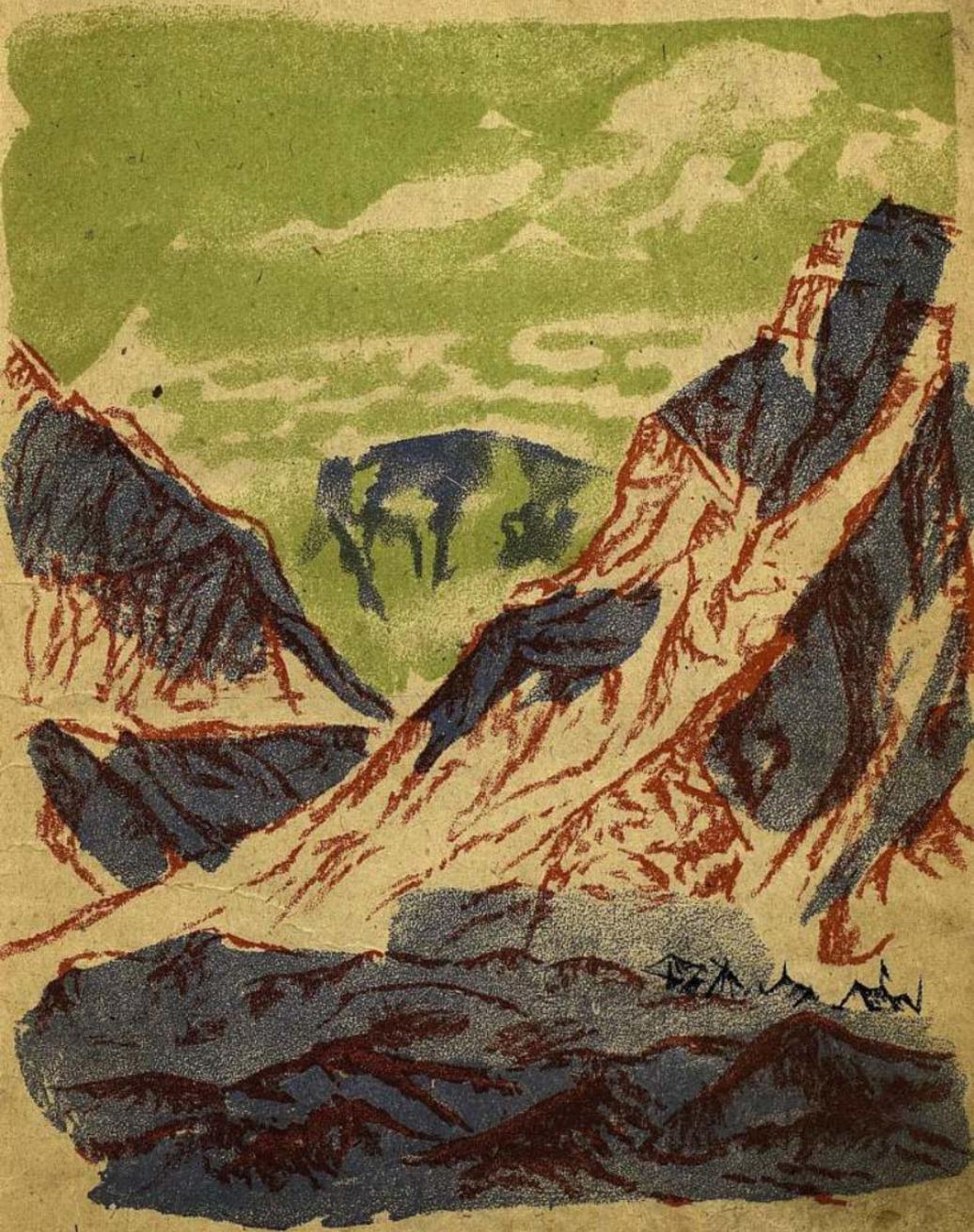
Три носильщика подходят к лестнице. Они похожи на летучих мышей: у каждого на плечах десять больших подушек с кислородом. Кислород — это то, чем дышат.

Медленно карабкаются они вверх.

— Скорее! Да скорее же! — кричат сверху сагибы.

Подушки задевают углами за выступы льда. Ветер шатает носильщиков, подушки тащат их вниз, как надутый ветром парус.

Носильщики не дышат, они хрипят. Кровь стучит в висках молотком. У маленького бенгальца тоненькая красная струйка выбегает из носа.

7

Но вот и терраса.

— Давайте, давайте!

Сагибы рвут у носильщиков с плеч подушки. Блестящие черные трубки ко рту, краны открыты. Грудь наполняется свежим, чудесным воздухом: это кислород.

Один за другим взбираются на площадку носильщики.

Самми, прежде чем стать на ступеньку, долго трет ноги снегом: он боится поскользнуться, пальцы как деревянные.

Впереди идет профессор Диренфурт. Перед льдиной, которая шатается, сагиб остановился. Он кричит вниз:

— Рекс, сюда! Рекс, сюда!

Собака царапает лапами лед. Она скатилась вниз и визжит.

— Дай мне ящик, иди за собакой, — говорит сагиб.

Самми, крепко держась за канат, спускается с лестницы.

У т р о

— Она изгрызла мне все плечо, — говорит Самми. — Я думал, что я умру.

Четта не слышит. Он спит.

Ветер хлопает брезентовым клапаном палатки.

Тесно прижавшись друг к другу, спят носильщики.

Один из них приподымается на локте и садится.

— Мы все умрем, — говорит он и отрывает длинный лоскут от своей рубахи.

— Помоги мне перевязать ногу, — просит он Самми.

В это время раздается свисток. Это сагиб, главный сагиб, дает сигнал к отправлению.

Никто не шевелится.

— Это тебе сагиб дал подушку?

— Да, в ней немножко осталось кислорода, — отвечает Самми.

Он нагибается, чтобы затянуть узел на ноге товарища.

— В этой подушке — настоящий воздух, — говорит Самми. —

Как у нас в деревне.

Чьи-то тяжелые шаги слышны возле палатки.

Кто-то выдергивает колышки, по одному. Брезент падает, резкий свет ударяет в глаза.

— Встать!— говорит сагиб.— Взять топоры!

Д е с я т ь д н е й

Носильщики связаны вместе канатом. Если сорвется один, другие удержат его. Они работают уже десять дней, чтобы пробить дорогу ко второй террасе.

Сверху, с крутых вершин, водопадом рушится снег. Все время грохочут обвалы: ледяные глыбы падают вниз, в небо столбом взметается снежная пыль, и долго солнце кажется тусклым, а ночью снег совсем застилает луну.

Нужно встать на плечи товарищу и вбить в лед железный костыль с кольцом. Потом в кольцо пропустить канат. Теперь, держась за канат, рубить ямки для ног в отвесной стене.

Нужно на лыжах пройти через трещину, засыпанную доверху рыхлым снегом

Нужно...

А жестокое солнце слепит глаза.

А острые зубы льда глубоко втыкаются в пятки.

А воздуха нехватает, и сердце бьется в груди, как рыба.

Сагибы спят в меховых мешках, они не чувствуют, какой холодный ветер падает с гор. Сагибы свистят и командуют, у них нет за плечами тяжелых мешков и ящичков. Сагибы пьют вино и слушают, как граммофон играет веселые танцы.

Но граммофону тоже не весело: что-то замерзло у него внутри,— может быть, масло. Он хрипит и шипит, а потом замолкает.

Слишком холодно, чтобы играть веселые танцы.

О б в а л

Все стоят и смотрят вверх. Почти все уже на второй террасе. На первой остались только Четта, Самми и еще пять носильщиков. Там, на второй террасе, все сагибы и носильщики смотрят вверх.

На первой террасе семь человек тоже смотрят вверх. И никто не дышит. Потому что вверху, с вершины Каченинги, катится вниз обвал.

Это падает кусок льда. Он больше, чем дом, и больше, чем пароход.

Он задевает по пути ледяные башни, и они падают вместе с ним.

За обвалом гонится белый хвост — облака снега.

Вот обвал повернул вправо. И опять сюда.

Терраса дрожит под ногами.

Страшно смотреть.

Люди бросились на землю, прижались лицом ко льду

Грохот ближе и ближе. Как мячик, ледяная гора отскочила от верхней террасы, пролетела над второй, и упала на первую. Скользя и сшибаясь, догнали ее осколки. Снег завалил их, и стало тихо. Самми выкарабкался из-под снега. Его товарищи тоже остались живы — их не задело обвалом. Только Четты не было.

О Д Н И

— Вперед! — скомандовал сагиб.

— Мы остаемся, — сказал Самми.

Десять носильщиков стояли рядом с ним. Они держали в руках топоры, кирки и лопаты.

— Сагиб, — сказал Самми, — может быть, наш товарищ жив.

— Взять вещи и стать в колонну! — приказал сагиб.

Но люди не трогались с места.

Сагиб сжал в руках горную палку. Потом вдруг рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он. — Оставайгесь. Без еды и палатки.

— Мы остаемся. Может быть, мы его откопаем.

— А кто понесет ваши вещи?

Из цепи носильщиков вышел один. У него за плечами был тяжелый ящик с вином.

— Я, — сказал он.

Профессор Диренфурт сделал в списке поправку. Он написал: № 211 — вино + ящик с сюрпризами.

— Кто еще?

Он написал: № 178 — пишушая машинка + палатка. № 341 — шоколад + шоколад.

Экспедиция тронулась в путь — к третьей террасе. А товарищи Четты спустились вниз, к ледяной горе, засыпанной снегом.

П о с л е д н и й с ю р п р и з

Цепь носильщиков тащится вверх по склону Каченинги. На третью террасу прямой дорогой нельзя подняться: нужно искать обхода. Один из сагибов все время посматривает на альтиметр. Это прибор, который показывает высоту. Стрелка подходит к 6000 метров. Еще полчаса идут, еще час.

— Джентльмены, — кричит сагиб. — 6000 метров! Эй, носильщик № 401!

— Носильщик № 401 остался внизу, — говорит профессор Диренфурт. — Носильщик № 211!

№ 211 выходит из цепи. Он шатается под двойным грузом.

Ящик с сюрпризами открыт. Сагиб достает из него маленький сверток.

— Что это такое?

Сагибы вертят в руках четыре кожаные вещи с блестящими застежками. Эти вещи похожи на маленькие сапожки, только низ у них круглый, усаженный гвоздями. Внутри — бархатная подкладка.

— Что это такое? — спрашивают сагибы.

Хозяин сюрпризов смеется. Он кричит собаке:

— Рекс, сюда!

Собака подбегает к нему и поднимает кверху морду.

— Дай лапу, Рекс.

Рекс протягивает лапу. Сагиб осматривает ее.

— Бедняга, — говорит он. — Всю лапу изрезал об лед. Не горюй, Рекс, вот тебе сапоги.

Он затягивает ремешки, кожаные футлярчики ловко облегают широкие лапы.

З а б а с т о в к а

Носильщики увидели: у собаки на ногах башмаки. Собака сперва трясет лапами, хочет их сбросить. Она трет башмаки мордой, треплет их зубами. Потом вскакивает и начинает носиться по льду. Носильщики посмотрели на свои обмороженные и израненные ноги. И вдруг один из них снял с плеч граммофон, размахнулся и бросил его вниз с горы.

— Сагибы! — крикнул другой. — Несите сами!

Ящик ударился углом об лед, зазвенело стекло, и бутылки с пивом покатались по льду.

Сагибы увидели, как прыгает вниз по склону, на лету сбрасывая с себя футляр, пишущая машинка.

Носильщики окружили сагибов. Профессор Диренфурт выхватил из кармана револьвер и сейчас же спрятал его назад. Носильщиков было почти 400, а сагибов — 15. Носильщики были сильнее.

Д а , э т о п р а в д а

Самми с товарищами прорыли в снегу длинный коридор. Они уходили все дальше и дальше под снег, пока не уткнулись в ледяную глыбу. Топоры отскакивали от нее.

— Четты нет, — сказал Самми. — Придется повернуть назад. Они выбрались из-под снега и начали подниматься по лестнице на вторую террасу.

„Четта умер. Его жена сказала ему на прощанье: возвращайся скорее, Четта!“

Так думал Самми, карабкаясь по ледяным ступенькам. Ноги подгибались от голода и усталости. Когда взобрались наверх, пришлось отдохнуть.

А Самми все думал и думал о Четте. Он думал о злых сагибах, которые его погубили.

— Ты не знаешь, — спросил он товарища, — это правда? Я слышал, что далеко далеко, в городе с большими домами, живет Большой Защитник по имени Ленни? И все сагибы боятся Ленни?

— Да, это правда, — сказал товарищ. — Для сагибов он страшнее чем кобра. Он живет в далеком городе, так далеко, что туда не долететь даже птице.

„ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?“

Черное колечко лежало в снегу. Самми поднял его.

— Кто-то потерял свой ошейник — № 11.

Несколько шагов прошли — опять попался ошейник: № 371. Потом еще и еще. Самми сперва подбирал их, а после бросил. И было слишком много — больше трехсот ошейников.

Один из товарищей Самми нагнулся и стал рассматривать следы на снегу.

— Смотрите! — воскликнул он. — Следы повернули назад. Может быть, мы разминулись с ними?

Еще немного прошли по ущелью и наткнулись на граммофон. Разбитый вдребезги, он застрял во льду. Граммофон — забава сагибов.

А дальше, за поворотом, на взрытом снегу громоздилась куча вещей: складные столы и кровати, души, стулья, тюки и ящики.

— № 342, — прочел на разбитом ящике товарищ Самми. — № 342 — это мой. А куда же девался шоколад?

Несколько плиток шоколада нашлись в снегу. И много собачьих бисквитов. Среди разбитых бутылок попались две бутылки с авном.

Носильщики поели, зажгли костер из ящиков и стульев, расставили вокруг него складные кровати и легли спать.

— Что это значит? — спрашивали они друг друга.

Г о р н а я б о л е з н ь

Пятьдесят носильщиков остались с сагибами. Остальные бросили вещи и ушли. Они унесли с собой три палатки и несколько ящиков с продовольствием.

— Проклятие! — говорил профессор Диренфурт. — Если бы можно было дать знать в Д-ржилинг! Я перестрелял бы их всех до одного.

Сперва сагибы готовы были вернуться. Но после решили:

— Надо сделать последнюю попытку. Если она не удастся, тогда повернем назад. Без снаряжения, с кучкой носильщиков медлить на ледниках Каченинги слишком опасно.

Сагибы очень обрадовались, когда возвратился Самми с товарищами. Еще десяток носильщиков — это много, когда из четырехсот остается полсотни.

А Самми заплакал. Когда он узнал, что все смелые сорвали с себя ошейники и ушли, а ему придется служить сагибам вместе с трусами, он заплакал с досады.

— Бросим вещи! — сказал он товарищам. — Догоним тех, кто ушел в Даржилинг.

— Этого нельзя сделать, — ответили они. — Нас мало. Без пищи и без палаток мы погибнем в пути.

Самми заболел. Он заболел горной болезнью, она называется „ледниковая усталость“. Самми брел, как во сне, не чувствуя голода, ни о чем не думая, не замечая, как осколки льда втыкаются в ноги.

П о с л е д н я я п о п ы т к а

— Вы все останетесь здесь, — сказал один из сагибов. — Если всем нам нельзя подняться на Каченингу, я попытаюсь взобраться один.

Самми выдали башмаки на гвоздях, заплечный мешок с удовольствием, лыжи и подушку кислорода. Он должен был провожать сагиба. Они шли очень долго.

Они проваливались по шею в сугробы. Рубили ступеньки во льду. Карабкались по ледяным утесам. Спускались на лыжах с высоких круч.

Вверх, вниз, вверх, вниз. Самми все равно было, куда идти, ему все равно было, доберутся они до вершины или свалятся в пропасть. Ему хотелось только, чтобы сагиб позволил ему опуститься на снег и заснуть.

Наконец сагиб остановился. Он сказал:

— Здесь самое удобное место. Если здесь я не влезу, вернемся назад.

Третья терраса была уже близко: четыре-пять метров ледяной стены, а там и терраса.

Сагиб и Самми подышали кислородом, чтобы собраться с силами. Потом принялись рубить ступеньки во льду.

— Нет, — сказал сагиб, — тут выступ. По ступенькам не влезешь. Попробуем забросить петлю.

Он сделал большую петлю на конце веревки и стал бросать ее наверх, на террасу. Он думал, что она зацепится там за лед.

Но веревка сейчас же соскальзывала вниз. В стене была узкая щель — доверху, до края террасы.

— Если б у меня были колья, я поднялся бы по этой трещине, — сказал сагиб. — И самый высокий утес Каченинги я назвал бы „Утесом профессора Диренфурта.“

„Ты, обезьяна?“

Самми вдруг обернулся к сагибу.

— Сагиб, — сказал он, — разве каждая гора имеет имя?

Сагиб откусил кусок шоколада.

— Нет, — ответил сагиб. — Пока на гору никто не залез, у нее нет имени. Тот, кто первый залезет на вершину, даст имя горе.

Самми встал на ноги.

— Сагиб, — сказал он, — а если я залезу, я тоже могу дать имя?

Сагиб рассмеялся.

— Ты, обезьяна? Ты тоже можешь.

Глаза у Самми заблестели. Спина выпрямилась, руки крепко сжали лыжные палки.

Сагиб увидел вдруг, как носильщик разом забросил обе палки наверх, на террасу. Следом за палками полетели лыжи, подушка с кислородом и заплечный мешок.

— Что ты делаешь, негодяй? — крикнул сагиб.

Но Самми был уже в трещине. Он упирался спиной в заднюю стенку щели, руками, ногами, коленями и локтями в каждый выступ, в каждую ямку льда. Он забыл про усталость и полз вверх, как ящерица. Самми даже не обернулся, чтобы посмотреть на сагиба. Выбравшись на террасу, он сделал несколько больших толчков кислорода, надел на ноги лыжи, закинул за плечи мешок и взялся за палки.

И Я ГОРЫ

Ветер, сильный, напористый ветер подталкивал Самми в спину, мешок болтался в мешке за плечами, но Самми забыл об еде. Он шел вверх по пологому склону, все выше, выше и выше. Где

можно было, он шел на лыжах, где нельзя было, перекидывал лыжи через плечо. Щеки его побелели от холода, из ушей и из носа шла кровь. Но глаза у Самми блестели, он шел вперед и вперед. И вот уже некуда больше идти.

На западе прячется красное солнце.

Внизу, куда ни глянешь, горят ледяные вершины. Они выстраиваются в цепи и гребни, розовый огонь перебегает с зубца на зубец. Снеговые поляны и ледники сверкают между гребнями. А вот над гладким морем золотых облаков, как черные островки, плавают вершины утесов:

Где же лагерь сагибов?

Самми долго всматривается в глубину. Вот оно, черное пятнышко на белом снегу.

Слезы текут по лицу у Самми. Это он плачет от радости. Он на самом верху, на самом высоком зубце Каченинга. Он первый поднялся на эту гору, он может дать имя этой горе. Самми смотрит вниз, на лагерь сагибов.

— Сагибы! — кричит Самми. — Я даю имя этой горе! Я даю этой горе имя Ленни. Слышите вы, сагибы? Имя Большого Защитника, Ленни!

